

ПРАГМАТИКА ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ГАРАНТИЙ РЕАЛЬНОГО, ВОЗМОЖНОГО И ВЕРОЯТНОГО В ДИСКУРСЕ

В. З. Демьянков

Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 09.10.2024 г.
Принята к публикации 15.01.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-1

Лингвистическая прагматика – раздел языкознания, исследующий языковые единицы под углом зрения их употребления. А прагматика конкретного языка – прагматические средства, не только меняющие мир, но и сами модифицирующиеся по ходу дискурса. «Прагматический поворот» 1970-х годов в лингвистике проявился как резко возросший интерес к употреблению языка как к действию, при котором слова приобретают свой актуальный смысл, часто небуквальный и радикально отличный от внеконтекстного словарного значения. Исследование вклада, который делают языковые средства эпистемической модальности в значение дискурса, представляет предмет эпистемической прагматики и имеет большой прикладной потенциал. В статье рассматриваются линии разграничения лингвистической семантики и прагматики, а также направления исследований в области эпистемической прагматики, включая употребление эпистемических модальностей в тексте. Особую роль играют стратегии и тактики манипулятивного воздействия на аудиторию при подаче эпистемических гарантий, сказывающиеся на эпистемической кредитной истории коммуникантов и иногда приводящие к эпистемическому же дефолту. Анализируются некоторые коммуникативные техники, используемые при этом: апелляция к гаранту истины и достоверности (авторитету), когнитивно-коммуникативное маневрирование (лавирование при сверхгибкой подаче мнения), тумблерные слова в текстах СМИ и др.

Ключевые слова: прагматика vs. семантика, прагматизм, семантика возможных миров, эпистемическая модальность, эпистемическая гарантия, эпистемический дефолт, эпистемическое маневрирование, тумблерное слово

1. Прагматика утраченная и ожидаемая

Название недавно с большим успехом прошедшей конференции «В поисках прагматики» содержит презумпцию, что у нас нет в руках предмета с именем *прагматика*. Еще нет (ожидаемая прагматика) или уже нет (утраченная прагматика).

Но это первая интерпретация, с которой конкурирует другая, оптимистичная: прагматика есть, она бродит среди нас, но под другим именем или без имени вовсе, и наша задача – снять с нее шапку-невидимку и/или определить, какой из знакомых предметов иногда или обычно называется прагматикой. Или мог бы так называться, но не хочет.

Типовой подход в прагматике состоит в том, чтобы выявить спектр реальных значений языкового выражения, установив, как слова обычно и/или всегда употребляются в конкретных контекстах и как они никогда не употребляются. А на основании полученных данных выяснить актуальный смысл слов в конкретном месте текста. То есть мы имеем дело с герменевтической процедурой прояснения смысла текста. Эта же процедура приложима и к выяснению смысла термина *прагматика*.

В поисках же «правильного» предмета и/или имени для него идут разными путями:

— ищут среди кандидатов предмет с данным или схожим именем, устанавливая по иным признакам, а уж не искомый ли это предмет; так по дизайну обложки упорно ищут в шкафу книгу, спокойно лежащую на столе;

— создают новый предмет на свой страх и риск и называют его данным именем, не боясь того, что «правильный» предмет когда-нибудь в жизни столкнется с тезкой.

Идентифицируя прагматику, философы языка испробовали оба пути, и литература по этому вопросу обширна.

Идя первым путем, при случае не забывают напоминать, что в обычной речи, за пределами лингвистики, *прагматичность* ассоциируется с философским направлением «прагматизм», или «прагматицизм», основанным Ч. С. Пирсом. Сам английский термин *pragmatics* в значении «раздел науки» создал Ч. У. Моррис, последователь этого течения, со значением «область прагматических научных изысканий» (“Morris coined the term *pragmatics* with explicit reference to pragmatism or pragmatism, the current of American philosophy that started with Peirce and in which Morris was working”) (Nerlich, Clarke, 1996, p. 5). Задолго до XX века *pragmatic(al)* встречаем в английских текстах, как и *pragmatisch* в немецких и *pragmatique* во французских. Они намекают на *pragmatique sanction*, правило престолонаследия в Священной римской империи: когда совсем нет наследников мужского пола, можно-таки короновать женщину. Т. Карлейль (1795—1881) обронил слово *pragmatics* как переводной эквивалент немецкого *Pragmatik*, пересказывая Р. Уолпола (премьер-министра Великобритании, жившего в 1676—1745 годах): «Какое нам дело до кайзера и его немецких луж? — спрашивает Уолпол. — Если избавить Пруссию от него, кайзер, вероятно, успокоится и оставит мир и нас свободными от его прагматики, санкций и владений» (“*Why bother with the Kaiser and his German puddles? asks Walpole: Once detach Prussia from him, the Kaiser will perhaps sit still, and leave the world and us free of his Pragmatics and his Sanctions and Apanages*” (Thomas Carlyle. History of Friedrich II. of Prussia. Vol. 2, book 7) (Carlyle, 1859, p. 142)).

Прозрачна эта линия истолкования прагматики как смиренной вынужденности, в частности, у И. Канта. В работе «Антропология в прагматическом отношении» читаем: «Систематически составленное учение о познании человека (антропология) может быть таковым в физиологическом или в прагматическом отношении. — Физиологическое человекопознание направлено на изучение того, что природа делает из

человека, прагматическое — на то, что он, как свободно действующее существо, делает из самого себя или может и должен делать» (“Eine Lehre von der Kenntniß des Menschen, systematisch abgefaßt (Anthropologie), kann es entweder in physiologischer oder in pragmatischer Hinsicht sein. — Die physiologische Menschenkenntniß geht auf die Erforschung dessen, was die Natur aus dem Menschen macht, die pragmatische auf das, was er als freihandelndes Wesen aus sich selber macht, oder machen kann und soll” (Immanuel Kant. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht. 1798)) (Кант, 2024, с. 162). Редкое в то время немецкое существительное *Pragmatik* следует толковать с семой «вынужденность», например: *Im Verlauf der Darstellung haben wir gezeigt, wie die phantastische, salbungsvolle, weichherzige Mystik des Redners in die Hartherzigkeit einer kleinlich-pfiffigen Verstandespragmatik und in die Borniertheit eines ideenlosen Erfahrungskalküls umschlägt* («В ходе изложения мы показали, как фантастический, елейный, мягкотелый мистицизм оратора переходит в жестокосердную мелочную прагматику разума и ограниченность безыдейного расчета, основанного на опыте» (Karl Marx. Debatten über Preßfreiheit und Publikation der Landständischen Verhandlungen. 1842) (Marx, 1981, S. 55)).

Сегодня под прагматикой как разделом семиотики и лингвистики понимается нечто лишь этимологически близкое к именованию философского течения. «Прагматистический» метод состоит в сопоставлении между собой практических следствий разных решений одной и той же задачи далекой от практики (“The pragmatic method is primarily a method of setting metaphysical disputes that otherwise might be indeterminate” (James, 1907, p. 45)). Он требует проследить, что и для кого вытекало бы из каждого решения, если бы правильным был один подход, а не другой. Когда не видно никакой практической разницы («по барабану», как сказал бы тонкий ценитель музыки), такие споры, по мнению «прагматистов», беспредметны. А тот, для кого разногласия принципиальны, пусть покажет разницу для практики (“to try to interpret each notion by tracing its respective practical consequences. What difference would it practically make to any one if this notion rather than that notion were true? If no practical difference whatever can be traced, then the alternatives mean practically the same thing, and all dispute is idle. Whenever a dispute is serious, we ought to be able to show some practical difference that must follow from one side or the other's being right” (Ibid., p. 45–46)).

Ключевая мысль здесь (ср.: Peirce, 1878) такова: «Убеждения — это руководство к действию; <...> чтобы раскрыть смысл идеи, нужно только выявить ее следствия для наших действий: только они значимы» (“beliefs are really rules for action; <...> to develop a thought's meaning, we need only determine what conduct it is fitted to produce: that conduct is for us its sole significance” (James, 1907, p. 46–47)).

Употребление языка при создании текста — тоже действие (ср.: “How to do things with words”, название знаменитой книги (Austin, 1962)). При нем слова «контекстуализируются», приобретают свой актуальный небуквальный смысл, иногда радикально отличный от внеконтекстного «словарного» значения. Такой же перенос совершается и

при интерпретации речи в опоре на слова (Grice, 1975). Прагматика же обслуживает обе задачи, представляя собой средства и для создания текста, и для вычисления небуквальных его смыслов. Чтобы пользоваться языком, мало выучить словарь и грамматические правила, нужно еще овладеть и коммуникативными средствами, прагматикой этого языка, что затрагивает «взаимосвязь языка, ситуации и идентичности, а также форм, процессов и интерпретации действий» (“Im Rahmen der *pragmatischen Wende* der 70er Jahre, die im Fremdsprachenunterricht die *kommunikative Wende* mit sich brachte, wurde der Zusammenhang von Sprache, Situation und Identität sowie von Formen, Abläufen und Interpretationen des Handelns thematisiert” (Liedke, Knapp-Potthoff, 1997, S. 13)). Надо еще уместным образом начинать высказывание, завершать его, подтверждать или опровергать мнение собеседника и т.д., что не приходит само. В разных культурах эти действия реализуются по-разному. И такой прагматически-прагматистический подход противоположен гимназическому освоению самоценных парадигм латинского спряжения и склонения без перспективы сказать пару лично выстрадавших латинских фраз Юлию Цезарю.

Итак, если следовать прагматистам, в дискуссии о **значении** термина *прагматика* принципиально важно определить, в чем **предназначение** прагматики. В частности, каковы средства прагматики конкретных языков.

Находя истоки лингвистической прагматики в XVIII веке (Nerlich, Clarke, 1996, p. 6), имеют в виду роли, которые слова играют не как изолированные независимые знаки, а взаимодействуя между собой, в практике использования языка (“The main interest in analysing words cannot therefore be one of examining words as isolated independent signs and discovering the relations between them but, rather, has to refer to language use and to address the question: What is the role words play in language use?” (Weigand, 1996, p. 151)). Прагматику интересует, как слова употребляются не сами по себе, а в дискурсе, ср.: *Есть речи – значенье / Темно иль ничтожно, / Но им без волнения / Внимать невозможно* (М. Ю. Лермонтов. «Есть речи – значенье...» 1840).

В ходе прагматического поворота 1970-х годов и позже к прагматике стали обращаться с жалобами на «чистую» семантику, которая те значения, которые сама объяснить не может или не хочет, обзывает «нелингвистикой», «мусорным ведром» языкознания, в лучшем случае – теорией текста, но не языка. К ведению прагматики стали относить учет речевого и невербального контекстов языковых выражений, встраивание языковых единиц в общую окружающую обстановку по ходу и в результате коммуникации (“Einbettung in die gesamte umgebende Situation, die in der Kommunikation stattfindet” (Hinrichs, 1989, S. 4)), восхождение от чисто языковых феноменов (языка-системы, сосюрсовской *langue*) к психолингвистическим и социолингвистическим вершинам употребления языка (*langage, discours*).

И тогда возникает замкнутый круг: языком называют тот инструмент (абстрактный предмет, структуру которого лингвисты выявляют

по проявлениям в тексте), с помощью которого осуществляется коммуникация, а коммуникацией — то, что происходит в результате употребления языка. Этот круг присущ и «функциональному» подходу к языку и коммуникации в сочетании с когнитивистским поворотом 1980-х годов, произошедшим после прагматического. В итоге наблюдаем усиление «психологизирующих» линий объяснения языковых явлений (“ein verstärktes Interesse an psychologischen Erklärungsversuchen von sprachlichen Prozessen” (Kaindl, 1995, S. 16)), составляющих «психологическую реальность» человеческой деятельности.

Важнейшим уточнением понятия прагматики стало включение в ее сферу индивидуального и неповторимого в интерпретации языковых выражений, заключающегося в «присвоении себе языка в момент — и на момент речи» (Степанов, 1985, р. 224). Это вытекает из соотнесения языка с говорящим субъектом (*homo loquens*). Подобно инструменту, который в момент употребления становится частью тела и духа человека, язык при таком присвоении расширяет и/или сковывает, раскрепощает и/или сужает возможности коммуникантов, а при этом сам принаправляется к особенностям говорящего и его адресата. Иногда кряхтя неуклюжими фразами, позорящими язык как стройную систему.

2. Прагматика вновь обретенная. Эпистемическая прагматика

Если последовать призыву Джеймса в практике описания языка, что же означает этот прагмати(сти)ческий уклон для нашей науки? И чем прагматика отличается от остальных лингвистических дисциплин (в частности, семантики), тоже исследующих языковые значения?

По мнению известного глоссария лингвистической терминологии (Cruse, 2006, р. 136), типовую семантику интересуют те аспекты значения языковых выражений, которые:

- связаны с истинностью или ложностью высказываний,
- видны и без учета контекста,
- конвенциональны, закреплены по молчаливому согласию: значения составных частей выражений заранее заготовлены и хранятся в кузьмочке «ментального лексикона»; а значение целого выражения (в словообразовательной и синтаксической семантике) выводится продуктивным «композиционным» путем на основе конструкции и значения составных частей. Например, суффикс *-ик* привносит семантику уменьшительности в слово, его содержащее, ср. *домик, столик*.

А прагматика представляет собой «перспективу», приводящую к небуквальным, «некомпозиционным», «креативным» значениям целого, не выводимым только из значения составных частей (ср.: Meу, 2009, р. 797). «Некомпозиционные» смысловые переходы связаны не столько со свойствами знаков самих по себе, «в вакууме», сколько с закономерностями и случайностями употребления людьми слов и предметов, ими обозначаемых. Например, почему *ручка* — не только маленькая рука (это значение вычисляется композиционно, складываясь из значения корня *рук-/руч-* и уменьшительного суффикса), но и инструмент для

письма? Шариковая ножка (но не шариковая нога, без милой уменьшительности) тоже было бы красиво. Потому что рукой человек пишет гораздо чаще, чем ногой? До этого семантике языка нет дела, это выясняет прагматика, которая исследует:

– стилистический выбор фигур речи (метафор, образов и т.п.), обязательно сказывающийся на истинностной оценке; метафоры и художественные образы «истинны» не в том же смысле, что и «реальность»; но понятие «метафорическая истина», часто упоминаемое лингвистами-эмпириками, отрицается некоторыми философами и логиками, ср.: «строго говоря, нет метафорической истины, отличной от обычной истины. Условия, при которых утверждения, содержащие метафорическое выражение, сообщают истину, таковы же, что и обычные условия истинности, но учитывают еще и небуквальное значение самого этого выражения» (“there is strictly speaking no metaphoric truth as distinguished from normal truth. The truth-conditions of statements containing a metaphoric expression are the same as normal truth-conditions, given the nonliteral meaning of that expression itself” (Hintikka, Sandu, 1994, p. 157));

– социопсихологическое окружение коммуникативных («речевых») событий (контекстно-обусловленные предшествующие и последующие высказывания, участники общения, их взаимоотношения, состав знаний, «практические» цели и т.п.); ср.: «Прагматика – раздел лингвистики, который сосредоточивается на использовании языка в социальных контекстах и исследует, как люди создают и понимают значения с помощью языка» (“Pragmatics is a branch of linguistics that focuses on the use of language in social contexts and the ways in which people produce and comprehend meanings through language” (Kecskes, 2014, p. 6)); влияние «прагматизма» очевидно;

– неконвенциональные значения, отличные от семантики буквального и вводимые *ad hoc*, например при игре словами в нарушение норм, когда *видят подвох своими руками*;

– то, как смыслы высказываний используются в деятельности человека с его неповторимыми «личностными» чертами и в реальном «физическом мире», и в «метафорическом мире», который вслед за Лейбницем называют «возможным миром».

Реальный мир (этимологически: мир предметов) в такой терминологии – всего лишь один из многих «возможных» миров, зато «самый лучший из всех возможных миров» (Вольтер). Такое словоупотребление, правда, расходится с бытовым значением лексической единицы *возможный*: если в ответ на вопрос «Вы умеете плавать?» сказать «Возможно», значит, не умеете или – какой конфуз! – не пробовали. Такая отговорка просто дипломатичнее и вежливее, чем прямолинейное наотмашь «Нет». Фраза *Я вас люблю любовью брата / И, может быть, еще нежней* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин. 1833) еще и поэтому смутила Татьяну.

Типовые предметы прагматики, судя по большому количеству публикаций, – вежливость, референция и дейксис, имплицатуры и рече-

вые акты, зависящие от контекста употребления языка и изучаемые на фоне человеческих коммуникативных намерений (Cruse, 2006, p. 136). Эти же средства прагматики конкретных языков очерчивают и контуры лингвистической прагматики как раздела теоретического языкознания.

Исследователи «логики естественного языка» (напр., Ransom, 1986, p. 29), особенно логики возможных миров, разграничивают пропозициональное содержание предложения (событие, положение дел и т.п., о которых в предложении говорится) и пропозициональную модальность сообщения: как истина, данная от Бога, как частное мнение о возможности или вероятности, как очевидное, пусть и не доказанное всеобщее мнение и т.п. Различают (там же) эпистемическую модальность — высказывание в опоре на мнения и предположения — и информирующую модальность, привязанную к реальному положению дел и лежащую вне мнений и сомнений.

Потребительское отношение «прагматистов» к истине (см. выше) сказывается на той точности, с которой какой-нибудь «ученый мальчик, но педант», как Евгений Онегин с его «может быть», требует констатировать факты. Разной бывает обязательность говорить правду и только правду, и уместность простодушного правдолюбия. Так, далеко не всем понятно, какая разница, что Великая французская революция случилась в 1789 году, а не в 1790-м. Но законно гордятся знанием бесполезных «точностей», щепетильной прецизионностью «Знатоков». В разговоре о возрасте что для одних — погрешность, для других — откровенная ложь или кокетство. Честолюбивая жажда самоценных знаний противоречит принципу прагматистов, но не их научной практике: тонкие дистинкции Ч. С. Пирса, выдающегося последователя схоластической логики, свидетельствуют об этом.

Эпистемическая модальность в типовом случае — «явно выраженная говорящим оценка правдоподобия того или иного положения дел» (“a speaker’s evaluation of the likelihood of a state of affairs, as expressed in language” (Nuyts, 2001, p. xv)). Это выражение (заметим: средствами какого-либо конкретного языка) оценки степени вероятности того, что некоторое гипотетическое положение дел возникнет или событие произойдет, происходит или имело место в возможном мире (“the linguistic expression of) an evaluation of the chances that a certain hypothetical state of affairs under consideration (or some aspect of it) will occur, is occurring, or has occurred in a possible world” (Ibid.)). Говорящий сообщает оценку, пересказывая, интерпретируя, даже шаржируя с заведомыми и нечаянными искажениями, по незнанию или злокозненно. Эпистемическая модальность придает правдоподобие пропозициональному содержанию, делая мир возможным дискурсным топиком пересказа. Эта оценка вероятности основана на «эпистемической шкале, на одном полюсе которой уверенность в том, что данное положение дел имело место, посередине — нейтральное или агностическое мнение об этом положении дел, а на противоположном полюсе — убеждение, что этого не было» (“And this estimation of likelihood is situated on a scale (henceforth called the ‘epistemic scale’) going from certainty that the state of affairs

applies, via a neutral or agnostic stance towards its occurrence, to certainty that it does not apply» (Ibid., p. 21–22)). О такой шкале говорят в терминах совпадений «модального мира» с «фактическим» (Declerck, 2011, p. 33).

«Эпистемическими гарантиями» (epistemic warrants, вслед за (Lyons, 1977, p. 809)), называются гарантии реалистичности и достоверности упоминания событий и предметов в тексте.

В качестве *гарантий* выступают:

– эпистемическая модальность – выражения типа *на самом деле, в действительности, возможно, невероятно* и т.п., укрепляющие или подрывающие уверенность в том, что текст портретирует действительность;

– прямое указание источника и адресата информации («кто кому как сказал»); сам факт сообщения в СМИ и звонок из «компетентных» органов способны поставить на когнитивные колени и не самых наивных обывателей.

Гарантом надежности мнения выступает тот «авторитет», которому мнение приписывается, в разной степени обоснованно. На взаимодействии этих показателей в диалоге основано такое «коммуникативно-когнитивное маневрирование» (полужирным шрифтом помечаем гарантирующие выражения):

– Гм!.. Хорошо... – говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. – Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу Кузькину мать!.. Елдырин, – обращается надзиратель к городовому, – узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Не медля! Она **наверное** бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

– Это, **кажись**, генерала Жигалова! – кричит кто-то из толпы.

– Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас как жарко! **Должно полагать**, перед дождем... Одного только я **не понимаю**: как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к Хрюкину. – **Нешто** она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, **должно быть**, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... **известный народ!** **Знаю вас**, чертей! (А.П. Чехов. Хамелеон. 1884).

Логично, что у плохого хозяина и собака плохая, а у уважаемого – уважаемая и излечивается от бешенства, когда всего лишь подозревают, что она принадлежит генералу. Причем *кажись* (по форме глагол *казаться* в повелительном наклонении) эпистемически посильнее, чем *оказывается*, а об обоснованном сомнении (*нешто*) говорят как о том, что не поддается пониманию. Высокую, почти максимальную несомненность излучает *должно быть* в сочетании с хамоватой уверенностью *знаю вас*. А *наверное* употребляется архаично в значении «несомненно».

Степень надежности высказываний указывается в тексте прямо и/или вычисляется на основе статуса авторитета. Наиболее «надеж-

ный» авторитет для говорящего – сам говорящий, присваивающий себе на момент речи и язык (его «дектику», по Ю. С. Степанову), и право судить обо всем, что на этом языке можно сказать, определяя, кто прав и кто вряд ли прав. Здесь играет роль семиотика высоты: чем выше авторитет, тем он надежнее, ср. «Мне сверху видно все, ты так и знай!» и «Я начальник, ты дурак».

Узуальность, уместность и действенность (манипулятивность) этих двух классов языковых средств в тексте регулируются стандартами культур дискурса: русских, английских, французских...

Различные такие средства в рамках одного высказывания могут сочтаться между собой, парадоксальным образом отрицая или дублируя друг друга (Демьянков, 2022а).

Так, в большом английском корпусе литературных текстов очень часты сочетания модальных глаголов *can* и *may* с *possibly* / *possible*. Лидируют формы сослагательного наклонения (они же – прошедшего времени), чаще всего *could* без отрицания (8698 примеров), напр.: *It was the most impressive scene one could possibly imagine* букв. «Это была самая впечатляющая сцена, которую **можно было бы возможно** (то есть вполне можно было бы) себе представить» (G. F. Knight. "Brother Bosch": an Airman's Escape from Germany. 1919).

На втором месте *could possibly* / *possible* с отрицанием (6692): *Do you ever seem to remember things that you could not possibly remember?* букв. «Кажется ли вам, что вы когда-нибудь вспоминаете вещи, которые вы **не могли бы возможно** (то есть никак не могли бы) вспомнить?» (H. Lawson. *The Rising of the Court*. 1910).

И далее (опуская примеры, они даны в вышеуказанной работе): *might possibly* (4130) > *can possibly* (4111) > *may possibly* (3385) > *can* с отрицанием + *possibly* (1391), в следующих вариантах: *can't possibly* (1275); *can not possibly* (116) > *might* с отрицанием + *possibly* (34), в вариантах: *might not possibly* (33); *mightn't possibly* (1) > *may not possibly* (29).

С impossibly / *impossible* всего около 30 примеров.

В немецком тексте такое бывает, но реже (Демьянков, 2022б), напр.: *So ein Frauenzimmer kann unmöglich erkennen, was zum Glücke dient* «Такая женщина не может (букв. **может невозможно**) распознать, что приносит счастье» (K. May. *Deutsche Herzen, deutsche Helden*. 1885–1888).

3. Гаранты и гарантии

Итак, с помощью языковых средств эпистемической модальности дают *гарантию* (надежную или зыбкую), что на то или иное мнение можно положиться. *Гарантом* же надежности мнения выступает носитель этого мнения, тот «авторитет», которому мнение приписывается, по-разному обоснованно, порой спорно. Ср.:

Бобчинский. «Э!» – говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э!» – сказали мы с Петром Ивановичем (Н. В. Гоголь. *Ревизор*. 1836).

Само же мнение, пусть даже «собственноручно высказанное» авторитетом, русская поговорка про старуху и ее неожиданную проруху настойчиво рекомендует проверять. Имеется в виду не только справедливость пропозиционального содержания высказывания, но и аутентичность речи, авторства ее.

Не объявляя свое собственное мнение истиной в последней инстанции и скромно предъявляя всего лишь эпистемические гарантии (напр., *Солнце, как мне кажется, вращается вокруг Земли*), поступают осторожнее, чем выкладывая на стол голую истину во всей ее по-минималистски информирующей простоте (*Солнце вращается вокруг Земли*). Ср.: «Но само наличие в высказывании слов *должен, обязательно, безусловно* и т.д. — свидетельство зависимости того, что мы считаем несомненным, от того, что мы (иногда недостаточно хорошо) знаем. Ведь категоричное утверждение — эпистемически самое сильное» («“But the very fact of introducing *must, necessarily, certainly, etc.*, into the utterance has the effect of making our commitment to the factuality of the proposition explicitly dependent upon our perhaps limited knowledge. There is no epistemically stronger statement than a categorical assertion” (Lyons, 1977, p. 808–809)).

Итак, за одни высказывания ручаются больше, подчеркивая их реальность и непременность, чем за другие (ср. *возможно*), и не столько опровергают пропозициональные содержания сами по себе, сколько низводят с пьедестала авторитеты, выставляя на всеобщее обозрение их подмоченную «кредитную репутацию».

Так, следующий заголовок в СМИ указывает на источник информации как на гаранта: «В ФИФА высказались о возможности участия сборной РФ в следующем ЧМ». Этот заголовок наиболее естественно истолковать как утверждение, что участие в ЧМ возможно: *высказался о* легко спутать со словосочетанием *высказался, что*. Но далее в том же тексте читаем, что это участие только возможно, но не обязательно: «Президент Международной федерации футбола (ФИФА) Джанни Инфантино не исключил возможности участия сборной РФ в следующем чемпионате мира по футболу. Об этом пишет РИА «Новости»¹. Да, самым авторитетным гарантом является тот, от кого зависит разрешение участвовать в указанном событии. Но действительность этой гарантии ограничена тем, что адресат имеет право сомневаться в корректности передачи слов авторитета.

Иногда по ходу изложения гарантия истинности аннулируется, ср. заголовок заметки: «Шольц принял решение по ударам ВСУ вглубь России»². Этот заголовок при первом прочтении толкуется так: Шольц решил, что удары ВСУ вглубь России следует разрешить. Однако по-

¹ Родин И. В ФИФА высказались о возможности участия сборной РФ в следующем ЧМ (21 сентября 2023, 20:23). URL: https://sport.rambler.ru/football/51461439/?utm_content=sport_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 08.10.2024).

² Бородкин Н. Шольц принял решение по ударам ВСУ вглубь России (04 декабря 2024, 15:28). URL: https://news.rambler.ru/world/53855214/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 08.10.2024).

следующий текст опровергает такое прочтение: «Германия не разрешит Вооруженным силам Украины (ВСУ) наносить удары дальнобойным оружием вглубь России и не будет поставлять Киеву ракеты *Taurus*. Об этом заявил канцлер ФРГ Олаф Шольц после своего визита на Украину, пишет ТАСС».

Здесь используются «тумблерные» слов — существительные типа *решение о/по* (означают и «решение за», и «решение против») и *позиция о/по* (то есть «позиция за» и «позиция против»), глаголы *высказаться о/по* (в значении «высказаться за» и «высказаться против»), при которых суждение в разных умах получает диаметрально противоположные истолкования. Например, такой заголовок: «Ле Пен **высказалась об** отправке войск на Украину», после чего читаем: «Премьер от *Национального объединения* не допустит отправки войск на Украину. Лидер парламентской фракции *Национального объединения* Марин Ле Пен заявила, что в случае победы на выборах премьер-министр от ее правой оппозиционной партии заблокирует отправку французских войск на Украину» (курсив мой)³. *Высказалась о* невнимательный читатель понимает как *высказалась за*, что приводит к мимолетной панике, и лишь аккуратное и терпеливое прочтение восстанавливает баланс между сообщением и ожиданиями аудитории.

Тумблерные слова подобны минам: незаметно внедренное ими мнение взрывается не сразу, а лишь позже, уже став убеждением. Этой уверенности объявляют эпистемический дефолт со следующим оправданием: «Никто ничего подобного не говорил; все это ваша интерпретация наваяла». Обнаруживая таких «жучков», естественно сделать вывод о ненадежности автора, незаметно их вживившего в текст.

Неподтвержденное эпистемическое ручательство бывает нелегко вычистить из памяти: «ложки найдутся, а осадочек останется», и Шольц и Ле Пен запомнятся как принявшие «решения за».

По тому, как о возможном и действительном говорят в быту, в публичных выступлениях, в художественных произведениях и т. д., можно сделать выводы о *прагматической* культуре *прагматичных* создателей текстов, о том, как поощряются и/или компрометируются в этой культуре мнения лиц «иной идентичности» (ср.: Scheller-Boltz, 2017, p. 13). Отдельный практический интерес представляют тактики выхода из неловкой ситуации, когда пропозициональное содержание, истина которого подпирается самыми сильными гарантиями, вдруг опровергается при появлении еще более сильных гарантий.

Прикладное значение анатомии и физиологии эпистемических гарантий — в том, чтобы создавать тексты, обладающие заданными параметрами воздействия на адресатов, и средства личной «когнитивной гигиены» для интерпретаторов как желанных жертв манипуляции.

³ Премьер от «Национального объединения» не допустит отправки войск на Украину (ТАСС, 05 июля 2024, 16:46). URL: https://news.rambler.ru/world/53041152/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 08.10.2024).

4. Заключение

Итак, лингвистическая прагматика — та область языкознания, в которой анализируется употребление языковых единиц под углом зрения их употребления, «узуса». Прагматика языка — набор средств конкретного языка, значения которых и сами модифицируются по ходу реального и возможного употребления.

Степень эпистемической надежности высказываний называется в тексте прямо, в виде эпистемической модальности, и/или вычисляется, исходя из репутации гаранта. Наиболее «надежный» авторитет для говорящего — сам говорящий, он присваивает себе в момент речи и язык, и право судить обо всем, что на этом языке можно сказать.

По эпистемическим гарантиям, как по мерной линейке, человек сверяет свои слова с реальными и возможными мирами, со своими и с чужими предположениями. Тем ограничивая свое собственное право судить о них и выяснять истину на основании чужих мнений. Эпистемическая модальность высказывания представляет точку на шкале эпистемической надежности, «вычисляемую» на основании кредитной истории автора, которому мнение приписывается в той или иной степени достоверно.

«Эпистемические гарантии» являются предметом теоретической и эмпирической прагматики. А создание систем искусственного интеллекта, способных приводить убедительные объяснения, подбирая весомые гарантии и минирюя самые невинные сообщения с помощью «тумблерных слов», можно отнести к области прикладной прагматики. Подбор, ранжирование и верификация гарантий таким системам по плечу.

Список литературы

Демьянков В.З. Семантическая редупликация в высказываниях о возможном // Когнитивные исследования языка. 2022а. Вып. 4 (51). С. 39—43.

Демьянков В.З. Категории вероятности и возможности в креативном употреблении языка: невозможная возможность в немецком тексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022б. Т. 13, №3. С. 589—607. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607>.

Кант И. Антропология в прагматическом отношении // Соч. по антропологии, философии политики и философии религии в трех томах / под ред. Н.А. Дмитриевой (отв. ред.), А.Г. Жаворонкова, А.Н. Круглова, В.А. Чалого. Калининград, 2024. Т. 1 : Сочинения по антропологии. С. 162—396.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.

Austin J.L. How to do things with words: (The William James lectures delivered at Harvard University). Oxford, 1962.

Carlyle Th. History of Friedrich II. of Prussia : in 4 vols. 3rd ed. L., 1859. Vol. 2.

Cruse A. A Glossary of Semantics and Pragmatics. Edinburgh, 2006.

Declerck R. The definition of epistemic modality // Cognitive approaches to tense, aspect, and epistemic modality / ed. by A. Patard, F. Brisard. Amsterdam ; Philadelphia, 2011. P. 21—44. <https://doi.org/10.1075/hcp.29.05dec>.

Grice P. Logic and conversation // Speech acts / ed. by P. Cole, J.L. Morgan. N. Y., 1975. P. 41 – 58.

Hinrichs U. Slavistik – Germanistik – Linguistik // Sprechen und hören: Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums, Berlin 1988 / hrsg. von N. Reiter. Tübingen, 1989. S. 3 – 13.

Hintikka J., Sandu G. Metaphor and other kinds of nonliteral meaning // Aspects of metaphor. Dordrecht, 1994. P. 151 – 187.

James W. Pragmatism: A new name for some old ways of thinking: Popular lectures on philosophy by William James. N. Y., 1907.

Kaindl K. Die Oper als Textgestalt: Perspektiven einer interdisziplinären Übersetzungswissenschaft. Tübingen, 1995.

Kecskes I. Intercultural Pragmatics. Oxford, 2014.

Liedke M., Knapp-Potthoff A. Einleitung // Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit / hrsg. von A. Knapp-Potthoff, M. Liedke. München, 1997. S. 7 – 16.

Lyons J. Semantics. Cambridge, 1977.

Marx K. Die Verhandlungen des 6. rheinischen Landtag // Marx K., Engels F. Werke. Berlin, 1981. Bd. 1. S. 28 – 77.

Mey J.L. Pragmatics: Overview // Concise Encyclopedia of Pragmatics / ed. by J.L. Mey. Amsterdam, 2009. P. 787 – 797.

Nerlich B., Clarke D. Language, action, and context: The early history of Pragmatics in Europe and America, 1780 – 1930. Amsterdam ; Philadelphia, 1996.

Nuyts J. Epistemic modality, language, and conceptualization: A cognitive-pragmatic perspective. Amsterdam ; Philadelphia, 2001.

Peirce Ch.S. How to make our ideas clear // Popular Science Monthly. 1878. 12 Jan. P. 286 – 302.

Ransom E.N. Complementation: Its meanings and forms. Amsterdam ; Philadelphia, 1986.

Scheller-Boltz D. The discourse of gender identity in contemporary Russia: An introduction with a case study in Russian Gender Linguistics. Hildesheim ; Zürich ; N. Y., 2017.

Weigand E. Words and their role in language use // Lexical structures and language use: Proceedings of the International Conference on Lexicology and Lexical Semantics. Münster, September 13 – 15, 1994 / ed. by E. Weigand, F. Hundsnurscher. Tübingen, 1996. P. 151 – 167.

Об авторе

Валерий Закиевич Демьянков, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом теории и практики коммуникации им. Ю. С. Степанова, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-9331-3708

E-mail: vdemiank@mail.ru

Для цитирования:

Демьянков В. З. Прагматика эпистемических гарантий реального, возможно и вероятного в дискурсе // Слово.ру: балгийский акцент. 2025. Т. 16, №2. С. 13 – 27. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-1.

PRAGMATICS OF EPISTEMIC WARRANTS OF THE REAL,
THE POSSIBLE AND THE PROBABLE IN DISCOURSE

Valery Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
1 Bolshoy Koslovskiy Per., Moscow, 125009, Russia

Submitted on 09.10.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-1

The 'pragmatics of language' is a set of pragmatic means of a particular language, the meanings of which not only change the world, but also themselves change in the framework of discourse. At the same time, 'linguistic pragmatics' is a branch of linguistics that examines linguistic units from the point of view of their use. The 'pragmatic turn' of the 1970s in linguistics meant an interest in using language as an action in which words acquire their actual meanings, sometimes radically different from their non – contextual dictionary meanings. The study of the contribution that linguistic means of epistemic modality make to the meaning of discourse is a subject of epistemic pragmatics and has great applied potential. The article examines the lines of demarcation between linguistic semantics and pragmatics, as well as research directions in the field of epistemic pragmatics, including the use of epistemic modalities in the text. Strategies and tactics of manipulative influence on the audience play a crucial role in the presentation of epistemic warrants – guarantees that shape the epistemic credit history of communicants and may sometimes result in epistemic default. Some communicative techniques used in this process are analyzed: appeal to the guarantor of truth and reliability (authority), cognitive and communicative maneuvering, toggle words in media texts, etc.

Keywords: pragmatics vs. semantics, pragmaticism, possible – world semantics, epistemic modality, epistemic warrant, epistemic default, epistemic maneuvering, toggle word

References

Austin, J.L., 1962. *How to do things with words: (The William James lectures delivered at Harvard University)*. Oxford.

Carlyle, Th., 1859. *History of Friedrich II of Prussia: in 4 vols.* 3rd ed. Vol. 2. London.

Cruse, A. A., 2006. *Glossary of Semantics and Pragmatics*. Edinburgh.

Declerck, R., 2011. The definition of epistemic modality. In: A. Patard and F. Brissard, eds. *Cognitive Approaches to Tense, Aspect, and Epistemic Modality*. Amsterdam; Philadelphia, pp. 21 – 44, <https://doi.org/10.1075/hcp.29.05dec>.

Demyankov, V.Z., 2022a. Semantic reduplication in statements about the possible. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 4 (51), pp. 39 – 43 (in Russ.).

Demyankov, V.Z., 2022b. 'Probability' and 'Possibility' in Creative Language Use: on Impossible Possibility in German Texts. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (3), pp. 589 – 607, <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-3-589-607> (in Russ.).

Grice, P., 1975. Logic and conversation. In: P. Cole and J.L. Morgan, eds. *Speech acts*. New York, pp. 41 – 58.

Hinrichs, U., 1989. Slawistik – Germanistik – Linguistik. In: N. Reiter, ed. *Sprechen und Hören: Akten des 23. Linguistischen Kolloquiums, Berlin 1988*. Tübingen, pp. 3 – 13.

Hintikka, J. and Sandu, G., 1994. Metaphor and other kinds of nonliteral meaning. In: J. Hintikka, ed. *Aspects of metaphor*. Dordrecht, pp. 151–187.

James, W., 1907. *Pragmatism: A new name for some old ways of thinking: Popular lectures on philosophy by William James*. New York.

Kaindl, K., 1995. *Die Oper als Textgestalt: Perspektiven einer interdisziplinären Übersetzungswissenschaft*. Tübingen.

Kant, I., 2024. Anthropology in a pragmatic sense. In: N. A. Dmitrieva, A. G. Zavoronkov, A. N. Kruglov and V. A. Chaly, eds. *Sochineniya po antropologii, filosofii politiki i filosofii religii v trekh tomakh. T. 1: Sochineniya po antropologii* [Essays on anthropology, philosophy of Politics and philosophy of religion in three volumes. Vol. 1: Essays on Anthropology]. Kaliningrad, pp. 162–396 (in Russ.).

Kecskes, I., 2014. *Intercultural Pragmatics*. Oxford.

Liedke, M. and Knapp-Potthoff, A., 1997. Einleitung. In: A. Knapp-Potthoff and M. Liedke, eds. *Aspekte interkultureller Kommunikationsfähigkeit*. München, pp. 7–16.

Lyons, J., 1977. *Semantics*. Cambridge.

Marx, K., 1981. Die Verhandlungen des 6. rheinischen Landtag. In: K. Marx and F. Engels, eds. *Werke*. Bd. 1. Berlin. S. 28–77.

Mey, J. L., 2009. Pragmatics: Overview. In: J. L. Mey, ed. *Concise Encyclopedia of Pragmatics*. Amsterdam, pp. 787–797.

Nerlich, B. and Clarke, D., 1996. *Language, Action, And Context: The Early History of Pragmatics In Europe And America, 1780 – 1930*. Amsterdam; Philadelphia.

Nuyts, J., 2001. *Epistemic Modality, Language, and Conceptualization: a Cognitive – Pragmatic Perspective*. Amsterdam; Philadelphia.

Peirce, Ch. S., 1878. How to make our ideas clear. *Popular Science Monthly*, 12 Jan., pp. 286–302.

Ransom, E. N., 1986. *Complementation: Its meanings and forms*. Amsterdam; Philadelphia.

Scheller-Boltz, D., 2017. *The Discourse of Gender Identity in Contemporary Russia: an Introduction with a Case Study in Russian Gender Linguistics*. Hildesheim; Zürich; N. Y.

Stepanov, Yu. S., 1985. *V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow (in Russ.).

Weigand, E., 1996. Words and their role in language use. In: E. Weigand and F. Hundsnurscher, eds. *Lexical structures and language use: Proceedings of the International Conference on lexicology and lexical semantics, Münster, September 13 – 15, 1994*. Tübingen, pp. 151–167.

The author

Prof. Valery Z. Demyankov, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-9331-3708

E-mail: vdemiank@mail.ru

To cite this article:

Demyankov V. Z., 2025, Pragmatics of epistemic warrants of the real, the possible and the probable in discourse, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, pp. 13–27. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-1.

